

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выражению *коллективная психология*, или *социальная психология*, часто придают фантастический смысл, от которого прежде всего необходимо освободиться. Он заключается в том, что мы представляем себе *коллективный ум*, *коллективное сознание* как особое *мы*, которое будто бы существует вне или выше индивидуальных умов. Нет надобности в такой точке зрения, в таком мистическом понимании, для того чтобы совершенно отчетливо провести грань между обыкновенной психологией и психологией социальной, которую мы скорее назвали бы интерспиритуальной. В самом деле, первая касается отношений ума ко всей совокупности других внешних предметов, вторая изучает или должна изучать взаимные отношения умов, их влияния, односторонние или взаимные, — односторонние сначала, взаимные потом. Между первой и второй существует, таким образом, то различие, которое существует между родом и видом. Но вид в этом случае имеет характер столь важный и столь исключительный,

что его необходимо выделить из рода и трактовать при помощи методов, специально ему свойственных.

Отдельные этюды, которые найдет здесь читатель, представляют собой фрагменты этой обширной области коллективной психологии. Их соединяет тесная связь. Пришлось перепечатать здесь, с целью определить его настоящее место, этюд о *толпах*, составляющий последнюю часть этой книги. В самом деле, *публика*, которая составляет специальный главный предмет настоящего исследования, есть не что иное, как рассеянная толпа, в которой влияние умов друг на друга стало действием на расстоянии, на расстояниях, все возрастающих. Наконец, *мнение*, являющееся результатом всех этих действий на расстоянии или при личном соприкосновении, составляет для толпы и публики нечто вроде того, что мысль составляет для тела. И если среди этих действий, в результате которых появляется мнение, мы станем искать самое общее и постоянное, то без труда убедимся, что таковым является *разговор*, элементарное, социальное отношение, совершенно забытое социологами.

Полная история разговора у всех народов во все времена была бы в высшей степени интересным документом социального знания; и если бы все трудности, которые представляет этот вопрос, удалось победить с помощью коллективной работы многочисленных ученых, то нет сомнения, что из сопоставления фактов, полученных по этому вопросу у самых различных между собою народов, выделил-

ся бы большой запас общих идей, которые позволили бы сделать из *сравнительного разговора* настоящую науку, немного уступающую сравнительной религии, сравнительному искусству и даже сравнительной промышленности, иначе говоря — политической экономии.

Но само собой разумеется, что я не мог претендовать на то, чтобы набросать план подобной науки на нескольких страницах. За отсутствием сведений, достаточных хотя бы для самого эскизного наброска, я мог указать только ее будущее место, и я был бы счастлив, если бы, высказав сожаление об ее отсутствии, я возбудил в каком-нибудь молодом исследователе стремление заполнить этот важный пробел.

Май, 1901
Г. Тард

ПУБЛИКА И ТОЛПА

I

Толпа не только привлекает и неотразимо зовет к себе того, кто видит ее; самое ее имя заключает в себе что-то заманчивое и обаятельное для современного читателя, и некоторые писатели склонны обозначать этим неопределенным словом всевозможные группировки людей. Следует устранить эту неясность и особенно не смешивать с толпой *публику*, слово, которое опять-таки можно понимать различно, но которое я постараюсь точно определить. Говорят: публика какого-нибудь театра; публика какого-либо собрания; здесь слово *публика* обозначает толпу. Но этот смысл упомянутого слова не единственный и не главный, и в то время как он постепенно утрачивает свое значение или же остается неизменным, новая эпоха с изобретением книгопечатания создала совершенно особый род публики, которая все растет и бесконечное распространение которой является одной из характернейших черт нашего времени. Психология толпы уже выяснена; остается выяснить психологию публики,

взятой в этом особом смысле слова, т. е. как чисто духовной совокупности, как группы индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью. Откуда происходит публика, как она зарождается, как развивается, ее изменения, ее отношение к своим главарям, ее отношение к толпе, к корпорациям, к государствам, ее могущество в хорошем или в дурном и ее способ чувствовать или действовать — вот что будет служить предметом исследования в настоящем этюде.

В самых низших животных обществах ассоциация состоит по преимуществу в материальном соединении. По мере того как мы поднимаемся вверх по дереву жизни, социальные отношения становятся более духовными. Но если отдельные индивидуумы удаляются друг от друга настолько, что не могут уже более встретиться, или же остаются в таком отдалении друг от друга дольше известного, весьма краткого промежутка времени, они перестают составлять ассоциацию. Таким образом, толпа в этом смысле представляет собою до некоторой степени явление из царства животных. Не является ли она рядом психических воздействий, в сущности, проистекающих из физических столкновений? Но не всякое общение одного ума с другим, одной души с другой обусловлено необходимой близостью тела.

Это условие совсем отсутствует, когда обозначаются в наших цивилизованных обществах так называемые *общественные течения*. Не на сходках, которые происходят на улицах или площадях, рождаются и разливаются эти социальные реки ^[1], эти

огромные потоки, которые приступом захватывают теперь самые стойкие сердца, самые способные к сопротивлению умы и заставляют парламенты и правительства приносить им в жертву законы и декреты. И странно, те люди, которые увлекаются таким образом, которые взаимно возбуждают друг друга или же скорей передают один другому внушение, идущее сверху, эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышат друг друга; они рассеяны по обширной территории, сидят у себя по домам, читая одну и ту же газету. Какая же связь существует между ними? Эта связь состоит в одновременности их убеждения или увлечения, в сознании, проникающем каждого, что эта идея или это желание разделяется в данный момент огромным количеством других людей. Достаточно человеку знать это, даже не видя этих других людей, и на него влияет вся их совокупная масса, а не только один журналист, общий вдохновитель, сам невидимый и неведомый и тем более неотразимый.

Читатель вообще не сознает, что подвергается настойчивому, почти неотразимому влиянию той газеты, которую он обыкновенно читает. Журналист же скорее сознает свою угодливость по отношению к публике, никогда не забывая ее природы и вкусов. У читателя далее еще меньше сознания: он абсолютно не догадывается о том влиянии, какое оказывает на него масса других читателей. Но оно тем не менее неоспоримо. Оно отражается на степени его интереса, который становится живее, если читатель знает или думает, что этот интерес разделяет более

многочисленная или более избранная публика; оно отражается и на его суждении, которое стремится приспособиться к суждениям большинства или же избранных, смотря по обстоятельствам. Я развертываю газету, которую я считаю сегодняшней, и с жадностью читаю в ней разные новости; потом вдруг замечаю, что она помечена числом от прошлого месяца или вчерашним, и она тотчас же перестает меня интересовать. Откуда происходит это внезапное охлаждение? Разве факты, сообщенные там, стали менее интересны по существу? Нет, но у нас является мысль, что мы одни читаем их, и этого достаточно. Это доказывает, что живость нашего интереса поддерживалась бессознательной иллюзией общности нашего чувства с чувствами массы других людей. Номер газеты, вышедший накануне или два дня тому назад, по сравнению с сегодняшним есть то же, что речь, прочитанная у себя дома, по сравнению с речью, прослушанной среди многочисленной толпы.

Когда мы бессознательно подвергаемся этому невидимому влиянию со стороны публики, часть которой мы сами составляем, мы склонны объяснять это просто обаянием *злободневности*. Если нас интересует самый последний номер газеты, это происходит будто бы оттого, что он сообщает нам злободневные факты и будто бы при чтении нас увлекает сама их близость к нам, а отнюдь не то, что их одновременно с нами узнают и другие. Но проанализируем хорошенько это столь странное *впечатление злободневности*, возрастающая сила

которого является одной из наиболее характерных черт цивилизованной жизни. Разве злободневным считается исключительно то, что только что случилось? Нет, злободневным является все, что в данный момент возбуждает всеобщий интерес, хотя бы это был давно прошедший факт. В последние годы было *злободневно* все, что касается Наполеона; злободневно все то, что в моде. И *незлободневно* все то, что вполне ново, но не останавливает на себе внимания публики, занятой чем-либо другим. Во все время, пока тянулось дело Дрейфуса, в Африке или в Азии происходили события, весьма способные возбудить наш интерес, но в них не находили ничего злободневно, словом, страсть к злободневности растет вместе с общественностью и она есть не что иное, как одно из самых поразительных ее проявлений; а так как периодическая, в особенности же ежедневная пресса по самому свойству своему говорит о самых злободневных предметах, то не следует удивляться при виде того, как между обычными читателями одной и той же газеты завязывается и укрепляется нечто вроде ассоциации, которую слишком мало замечают, но которая принадлежит к числу чрезвычайно важных.

Разумеется, чтобы для индивидуумов, составляющих одну и ту же публику, это *внушение на расстоянии* сделалось возможным, нужно, чтобы они привыкали, под влиянием интенсивной общественной жизни, жизни городской, к внушению на близком расстоянии. Мы в детстве, в юноше-

ском возрасте начинаем с того, что чувствуем *влияние взгляда других*, которое бессознательно выражается у нас в наших позах, в жестах, в изменении хода наших идей, в беспорядочности или чрезмерной возбужденности наших речей, в наших суждениях, в наших поступках. И только после того как мы целыми годами подвергались и подвергали другим этому внушающему действию взгляда, мы становимся способны к внушению даже посредством *мысли о взгляде другого*, посредством идеи, что мы составляем предмет внимания для личностей, удаленных от нас. Равным образом, лишь после того, как мы долгое время испытывали на себе и практиковали сами могущественное влияние догматического и авторитетного голоса, слышанного вблизи, нам достаточно прочесть какое-нибудь энергическое утверждение для того, чтобы подчиниться ему, и просто самое сознание солидарности большого числа подобных нам с этим суждением располагает нас судить в одинаковом с ним смысле. Следовательно, образование публики предполагает духовную и общественную эволюцию, значительно более подвинувшуюся вперед, нежели образование толпы. То чисто идеальное внушение, то заражение без соприкосновения, которые предполагает эта чисто абстрактная и тем не менее столь реальная группировка, эта одухотворенная толпа, поднятая, так сказать, на вторую степень сила, не могли зародиться ранее как по прошествии целого ряда веков социальной жизни более грубой, более элементарной.

II

Ни в латинском, ни в греческом языках нет слова, соответствующего тому, что мы разумеем под словом *публика*. Есть слова, обозначающие народ, собрание граждан вооруженных или невооруженных, избирательный корпус, все разновидности толпы. Но какому писателю древности могло прийти на ум говорить о своей публике? Все они не знали ничего, кроме *своей аудитории* в залах, наняваемых для публичных чтений, где поэты, современники Плиния Младшего, собирали немногочисленную сочувственную толпу. Что же касается тех немногочисленных читателей манускриптов, переписанных в нескольких десятках экземпляров, то они не могли сознавать, что составляют общественный агрегат, который составляют теперь читатели одной и той же газеты и даже иногда одного и того же модного романа. Была ли публика в Средние века? Нет, но в эти времена были ярмарки, паломничества, беспорядочные скопища, охваченные благочестивыми или воинственными чувствами, гневом или паникой. Возникновение публики стало возможным не раньше начала широкого распространения книгопечатания в XVI в. Передача силы на расстоянии — ничто по сравнению с передачей мысли на расстоянии. Не есть ли мысль — социальная сила по преимуществу? Вспомните *idteeforces* Фулье. Когда Библия была в первый раз издана в миллионах экземпляров, то обнаружилось в высшей степени новое и богатое неисчислимыми

последствиями явление, а именно благодаря ежедневному и одновременному чтению одной и той же книги, т. е. Библии, соединенная масса ее читателей почувствовала, что составляет новое социальное тело, отделенное от церкви. Но эта нарождающаяся публика сама еще была только отдельной церковью, с которой она смешивалась; слабость протестантизма и заключается в том, что он был одновременно публикой и церковью, двумя агрегатами, управляемыми различными принципами и по самому существу своему непримиримыми. Публика как таковая выделилась более ясно только при Людовике XIV. Но и в эту эпоху если и были толпы, не менее стремительные, нежели теперь, и не менее значительные, при коронаваниях монархов, на больших празднествах, при бунтах, возникавших вследствие периодических голодовок, то публика составлялась из незначительного количества избранных *honnetes gens*, которые читали свой ежемесячный журнал, в особенности же книги, небольшое количество книг, написанных для небольшого количества читателей. И кроме того, эти читатели были по большей части сгруппированы если не при дворе, то вообще в Париже.

В XVIII в. эта публика быстро растет и раздробляется. Я не думаю, чтобы до Бейля существовала философская публика, которая отличалась бы от большой литературной публики или начала от нее отделяться; я не могу назвать публикой группу ученых, хотя они и были объединены, несмотря на свою разбросанность по различным провинциям